

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-149-158>
УДК 94(47).084.3

ПРОКЛАМАЦИИ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ: ТЕКСТЫ И ЛЮДИ

Владимир Б. Безгин

*Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская, д. 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Дан анализ содержания прокламаций периода Тамбовского восстания 1920–1921 гг. Выявлена роль воззваний в идейном противостоянии коммунистического режима и повстанческого движения. **Материалы и методы.** Посредством изучения текста листовок установлены их идейная направленность, убедительность аргументов, доходчивость языка и стиля изложения. В революционную риторику агитации противники вкладывали разные смыслы и артикулировали отличные друг от друга цели вооруженной борьбы. Те и другие посредством печатного слова стремились не только доказать свою приверженность идеалам революции, но мобилизовать своих сторонников на решительные действия ради ее спасения. **Результаты.** Антитезой утверждению советской пропаганды об угрозе возвращения к прежним порядкам стала реальность коммунистического насилия в отношении сельских тружеников. В тексте антиправительственных листовок содержались критика продовольственной политики большевиков и осуждение богоборческой сути коммунистической власти. Действенность печатной агитации противников для их потенциальных адресатов была ограничена техническими возможностями повстанцев и неграмотностью большей части местных жителей. Антисемитский характер, прежде всего, рукописных воззваний был свидетельством реакции крестьян на еврейское засилье в органах коммунистической власти. **Заключение.** Сопоставление текстов прокламаций противников приводит к выводу о том, что те и другие звали своего читателя к решительной борьбе во имя революции, только вот смысл ее идеалов они понимали по-разному. Другой особенностью подобного рода прокламаций являлось то, что их авторами и адресатами были представители поколения революции, определившей их судьбы, но разведшей по разные стороны фронта.

Ключевые слова: Тамбовская губерния, крестьянское восстание, прокламации, коммунисты, повстанцы, агитация, текст.; «поколение революционного перелома».

Для цитирования: Безгин В. Прокламации Тамбовского восстания: тексты и люди // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 148-158, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-148-158>.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>

Статья поступила: 12.04.2023

Статья принята в печать: 25.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Безгин В., 2023

PROCLAMATIONS OF THE TAMBOV REBELLION: TEXTS AND PEOPLE

*Vladimir B. Bezgin**Tambov State Technical University,
st. Sovetskaya, 106/5, room 2, Tambov, 392000,
Russian Federation***Abstract**

Introduction. The paper analyzes the content of proclamations of the Tambov uprising during the period of 1920–1921. The role of appeals in the ideological confrontation between the communist regime and the insurgent movement is revealed. **Materials and methods.** The ideological orientation, the persuasiveness of the arguments, the language intelligibility and the style of presentation were established based on studying leaflet texts. Opponents invested different meanings in the revolutionary agitation rhetoric and articulated different goals of the armed struggle. Through the printed word, both of them sought not only to prove their adherence to the ideals of the revolution, but to mobilize their supporters for decisive action in order to save it. **Results.** The antithesis of the assertion of Soviet propaganda about the threat of a return to the old order was the reality of communist violence against rural workers. The text of the anti-government leaflets contained criticism of the Bolsheviks food policy and condemnation of the God-fighting essence of the communist government. The effectiveness of printed agitation by the opponents was limited by the technical capabilities of the insurgents and the illiteracy of most of the local residents. The anti-Semitic character of the handwritten appeals was evidence of the peasants' reaction to the Jewish dominance in the organs of communist power. **Conclusion.** The comparison of the texts of the opponents' proclamations leads to the conclusion that both of them called their reader to a decisive struggle in the name of the revolution, but the meaning of its ideals was understood in different ways. Another feature of such proclamations was that their authors and addressees were representatives of the revolutionary generation, which determined their fate, but split them on different sides of the front.

Keywords: Tambov province; peasant uprising; proclamations; communists; rebels; agitation; "generation of revolutionary turn"

For citation: Bezgin V. Proclamations of the Tambov uprising: texts and people // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 149-158, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-149-158>

Acknowledgement: The research funded by grant a Russian Science Foundation grant project No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132>

Received: 12.04.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.09.2023

© Bezgin V., 2023

1. Введение

Важную роль в изучении повстанческого движения периода гражданской войны играет выяснение значения воззваний в идейном противоборстве сторон. Наряду с устной агитацией, различного рода прокламации (листовки, воззвания, обращения и т.п.) выражали цели и задачи противников в ходе их вооруженной борьбы. Их выпускали значительными тиражами практически все политические силы, боровшиеся в годы Гражданской войны. В этом отношении не стало исключением и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. Эвристический потенциал прокламаций воюющих сторон в гражданской войне еще не в полной мере использован современными исследователями. Историография проблемы крайне скудна. На

основе изучения коллекции революционных листовок 1917 г. исследователь Г. В. Михеева отмечает многообразие тем и сюжетов этого вида источников [18, с. 10]. Анализу листовок периода гражданской войны как историческому источнику посвящена статья Ю. Ю. Иерусалимского [12]. Объектом изучения автором стали преимущественно прокламации коммунистического режима. Только в работе А. П. Шекшеева дан анализ содержания антисоветских воззваний енисейских крестьян, да и то не периода гражданской войны, а конца 1920-х гг. [25]. По мнению А. Н. Никитина, участники повстанческо-партизанского движения в Сибири периода «гражданки» придавали большое значение непериодической печати «малых форм» [19, с. 36]. Хорошим подспорьем в изучении проблемы стал выход каталога выставки ГПИБ, в котором были опубликованы листовки антисоветских сил времени гражданской войны [1], но прокламации крестьянского повстанчества в нем представлены только агитационным материалом движения под руководством Нестора Махно.

Обзор историографии темы показывает, что если проблема печатной агитация «красных» и «белых» вызывала интерес у специалистов, то прокламации «третьей силы» гражданской войны – крестьянского повстанчества еще не стали объектом источниковедческого анализа. Это обусловлено малым числом документов, созданных в среде восставших крестьян и отражающих их идейные установки.

2. Материалы и методы

Документальную основу статьи составили как агитационные материалы противоборствующих сторон Тамбовского восстания 1920–1921 гг., опубликованные в сборниках документов, так и прокламации повстанцев, обнаруженные автором в фондах центральных и местных архивов. Они были изучены посредством приемов источниковедческого анализа, системного и сравнительного методов исторического исследования. Проблема авторства прокламаций противников исследована нами в контексте «поколения революционного перелома», так как его представители выступали носителями идейных установок противоборствующих сторон. Ценным в анализе подобного рода источников является возможность не только препарировать их содержание, но и установить целевую аудиторию, оценить убедительность аргументации и доходчивость языка революционной эпохи. Обращение к этому виду источников открывает для специалистов возможность понять суть идейных установок и содержание политических целей участников вооруженной борьбы.

Анализ роли и места прокламации в идейном противостоянии сторон в крестьянском восстании 1920–1921 гг. начнем с формальных характеристик. Коммунистический режим обладал не только материально-техническим перевесом над повстанцами, но и мощью агитационно-пропагандистской системы. Наряду с внушительными тиражами губернских «Известий» и уездных газет, советская власть прибегала к выпуску различного рода прокламаций, содержание которых было направлено на *«разоблачение преступных замыслов и преступных действий эсеров-кулацких бандитов»*, которые *«нагло и подло обманывают крестьянство»* [16, с. 123]. Издание листовок агитационного характера местная власть производила типографским способом. Их распространение в деревне осуществлялось через сеть политико-просветительских учреждений, а в ходе оккупации «мятежных» сел посредством политических отделов красноармейских частей. С целью доставки прокламации в районы, контролируемые повстанцами, использовались самолеты «Боевой воздушной эскадрильи». В период Тамбовского восстания летчиками в ходе боевых вылетов было сброшено не только 4158 кг бомб, но и 432 кг агитационной литературы. Только за период с 2 по 20 апреля 1921 г. экипажами аэропланов над «бандитскими» селами было разбросано 3 400 экземпляров листовок, 7 200 экземпляров воззваний и 1 500 экземпляров агитационной литературы [22, д. 369, л. 92, 97]. Большого эффекта такие акции не имели. Прагматизм местных жителей выразился в том, что крестьяне охотно использовали листовки, «упавшие с неба», как бумагу для изготовления самокруток, и вряд ли их содержание вызывало у них интерес.

Да и любопытство трудно было удовлетворить по причине элементарной неграмотности большинства односельчан.

Возможности для ведения информационной войны у восставших крестьян были значительно скромнее. Основной формой пропагандистской работы Партизанской армии Тамбовского края являлась устная агитация. В донесении Тамбовской губ. ЧК от 8 января 1921 г. сообщалось, что «по селам разъезжают агитаторы банд, собирают сходы, призывают к уничтожению коммунистов за то, что они, отбирая у крестьян последний хлеб, обрекают их на голодную смерть» [24, с. 384]. С целью идейного воздействия на комбатантов и мирное население в повстанческой армии действовал политотдел. Он располагал штатом опытных пропагандистов и издавал воззвания и листовки, которые распространялись среди населения [16, с. 157]. В докладе РВС Республики от 3 марта 1921 г. председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко сообщал, что, не имея печатного станка, эсеры ведут агитации листовками, отбитыми на машинках или гектографе [16, с. 126]. Понятно, что тиражи таких изданий были не велики, составляя сотню-другую экземпляров. Распространение антикоммунистических прокламаций и воззваний, а, точнее, чтение их содержания, агитаторы повстанцев осуществляли на сельских сходах. В условиях малограмотности местного населения такой прием позволял достичь максимального охвата сельской аудитории.

Отдельно следует сказать о рукописных прокламациях, появившихся в губернии еще накануне восстания. Так, 28 марта 1920 г. на заводе Рогоза с. Рассказово была обнаружена листовка следующего содержания: *«Долой коммуны! Долой грабителей! Смерть коммуне! Да здравствует Учредительное собрание!» Земля мужику и свободная торговля. Товарищи коммунисты грабители добром отдайте хлеб рабочим, а то вы пострадаете от рабочих. Рабочие заговорились с крестьянами в с. Рассказово. Долой коммуну! Власть рабочих и смерть коммуне!»* [7, д. 960, л. 71]. По сведениям Усманского политбюро, в ночь на 13 июля 1920 г. около барачных, расположенных в черте города, в которых размещались дезертиры и снятые с учета, было найдено воззвание, написанное под копирку и «как видно вполне сведущим контрреволюционным элементом», с призывом: *«опомнитесь, дружнее сплотиться и начать душить коммунистов, шкурников и евреев»* [8, д. 964, л. 40]. А вот текст прокламации, обнаруженной в г. Лебедянь 21 сентября 1920 г.: *«Большевики обещали народу мир, хлеб, свободу. Большевики дали народу: войну, голод, болезни и чрезвычайную комиссию! Красноармейцы! Вам платят «советскими» и «керенками», несчастные вы люди. Ведь ни поляк, ни румын, ни вся, наконец, Европа не признает этих денег. Совет задаром не услужит – у комиссаров «царские» найдутся. А все ваши деньги вы можете с успехом выбросить вон»* [6, д. 956, л. 67].

Для всех трех, выше приведенных прокламаций, присуща яркая антикоммунистическая риторика. Обращенные к целевым группам рабочих, дезертиров, красноармейцев, они разоблачали обман правящей партии, указывали на плачевные результаты ее деятельности: голод, инфляцию, произвол ЧК, призывали к объединению и совместной борьбе с ненавистным режимом. В печатной агитации повстанцев нередко использовалось выражение – «жиды-коммунисты». Антисемитская направленность агитации «зеленых» была обусловлена произволом продотрядов в деревне и обилием евреев в партийных комитетах, советских органах губернского центра и уездных городов [5, с. 317-318]. Упор в аргументах делался на злоупотребления и насилие агентов Советской власти, непомерную продовольственную разверстку, затягивание войны, антикрестьянский характер участия красноармейцев в подавлении сельских мятежей.

3. Результаты

С началом крестьянского восстания губернская власть сделала ставку на применение силы по отношению к повстанцам, назвав их «бандитами», а произошедшее «эсеро-кулацким мятежом». Эти идеологические штампы негативной экспрессии превалировали в

тексте большинства коммунистических агиток, издаваемых массовыми тиражами. В советских прокламациях партизанские отряды именовались *«бандитскими шайками бывших царских полицейских и черной сотни»*, которые преследовали цель *«свержение рабочей-крестьянской власти и возвращение власти помещикам и буржуазии»* [20, д. 646, л. 223-224]. Напротив, в воззвании *«Крестьянам и рабочим!»*, изданным Тамбовским губернским комитетом Союза трудового крестьянства в январе-феврале 1921 г., звучал призыв верить в *«скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом, насильником-коммунистом, поработителем и похитителем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям»* [23, с. 29, л. 8].

В прокламациях повстанцев осуждалось не только предательство коммунистами крестьянских интересов, но и богоборческий характер их власти. В резолюции, которая потом была размножена в виде копий, принятой на сельском сходе с. Вольная Вершина Чашинской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 15 июля 1921 г., читаем: *«Вместо обещанной свободы слова коммунисты положили свою руку на печать, заглушая, таким образом, все время раздававшийся стон возмущения трудового народа. Вместо обещанного свободного вероисповедования коммунисты сделали злейшее гонение на православную религию, запечатывая и превращая в театры церкви, и насмехаясь над русской святыней. Основав свою само захватническую власть на штыке, коммунисты десятками расстреливали ни в чем неповинных жителей»* [9, д. 1112, л. 17]. Авторы апеллировали к традиционному крестьянскому правосознанию, которое воспринимало акты святотатства как тяжкий грех и поругание православных святынь.

В ходе ожесточенной вооруженной борьбы обе стороны посредством агитационного слога пытались воздействовать на бойцов противной стороны. Обращение политотдела войск Тамбовской губернии к рядовому составу повстанцев, выпущенное не позднее 3 февраля 1921 г., начиналось призывом *«Остановись, прочти и подумай!»* и состояло из утверждений в форме вопросов. Например: *«Разве ты не смекаешь, что Учредительное собрание, за которое призывает бороться твое «начальство», не нужно тебе ни на черта, так как в «учредилках» всегда и везде верховодят заклятые враги трудящихся – помещики, кадеты и их верные лакеи – эсеры?»* [20, д. 646, л. 336].

Не менее мрачная картина будущего страны нарисована в обращении Народной армии Тамбовского края к мобилизованным красноармейцам. *«Раскалывая как горшки наши головы, ломая кости, коммунисты целых три года обещают построить новый мир, но теперь мы уже поняли, какой будет этот новый мир, он будет пустынен и мрачен, населять его будут не свободные и счастливые люди, а голодные, голые и безгласные рабы. Мы не хотим больше, чтобы коммунисты грабили нас и издевались над нами»* [3, д. 4306, т. 4, л. 239].

Именно тема насилия власти как причина, вызвавшая крестьянский протест, рефреном звучала в печатных обращениях повстанцев. В листовке с названием *«Почему большевики не могут победить Антонова»*, ее автор прямо указывает на то, что репрессии власти в отношении мирного населения села имели обратный эффект и привели к росту вооруженного сопротивления крестьян. *«Беспощадные расстрелы, избиение правых и виноватых, бессмысленные поджоги домов и хлеба, дикий грабеж имущества и крестьян, увод заложниками всех не принимавших участия в движении, – все это повело к тому, что самые робкие вынуждены были идти к повстанцам»* [21, д. 661, л. 35]. Иная причина бедственного положения селян указывалась в листовке Полномочной комиссии ВЦИК *«Что сказал тов. Ленин крестьянам Тамбовской губернии»*, отпечатанной тиражом в 25 тыс. экземпляров, и отредактированной лично В. А. Антоновым–Овсенко. *«Банда грабит советские хозяйства и потребилки и честных граждан, у крестьян отнимает скот, сбрую, фураж»* [11, д. 889, л. 27].

В отношении итогов вооруженного противостояния и та и другая сторона демонстрировали оптимизм и веру в собственную победу. *«Помните – враги Советской власти – ваши враги. Истребляйте их без пощады. До весны бандитизм должен быть уничтожен в корне»*, – говорилось в обращении «К населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов» [20, д. 646, л. 231]. В свою очередь, не менее яркий финал крестьянскому восстанию предрекали авторы повстанческой листовки: *«Волна народного гнева сметет с русской земли весь навоз, называемый большевизмом, и на очищенной земле полновластный хозяин земли Русской – Учредительное собрание даст пострадавшему крестьянству не только землю, но и волю»* [21, д. 661, л. 38]. Требование воли, на наш взгляд, являлось несущей конструкцией идейных установок крестьянского восстания. Именно отсутствие воли в распоряжении результатами своего труда, формировании местной власти и выступало основой протеста тамбовских крестьян. Симпатии крестьян к российской Конституанте были отмечены губернской властью. По ее мнению, «крестьяне дали понять, что учредилка им представляется «ближе и доступнее» Советской власти» [2, с. 309].

Борьба идей посредством печатного слова велась противниками по всем правилам информационной войны, в которой невозможно было обойтись безо лжи. С целью показать масштаб повстанческого движения в России, автор прокламации сообщал: *«В Воронежской, Курской, Саратовской губерниях крестьяне с оружием в руках тоже идут на своих поработителей. Дон и Украина сплошь объаты восстанием. Сибирь понемногу начинает давать отпор большевистскому самодержавию»* [21, д. 661, л. 3]. В свою очередь коммунистическая прокламация возвещала: *«Разве ты не знаешь, что все то, что говорят тебе вожаки и «начальники» о том, что будто бы подобные дурацкие восстания происходят в 17 губерниях, якобы в Москве уже нет Советской власти – вот сплошная, наглая, подлая ложь!»* [20, д. 646, л. 336]. А вот еще один перл советской пропаганды. В прокламации «На борьбу с белогвардейскими бандитами» от 16 сентября 1920 г. говорилось: *«Знай же, что негодяи, организовавшие и поднявшие восстание, в некоторых уездах нашей губернии, получают помощь от польских панов и капиталистов, от крымского барона царского приспешника Врангеля через тайных агентов и шпионов»* [15].

В коммунистических агитках по отношению к повстанцам использовались инвективы типа: «бандиты», «враги трудового народа», «грабители», «насильщики» [2, с. 301-302, 305]. Для оценки оппонента прибегали к эпитетам и метафорам, носившим оскорбительный характер, такие как «негодяи», «брехуны», «лакеи» [16, с. 123]. А их действия носили исключительно негативную коннотацию. Например, «нагло и подло лгут», «чинят разбой, грабеж, убийства» [21, д. 646, л. 336]. Экспрессивная форма подачи информации была характерна и для прокламаций повстанцев. Так власть коммунистов в них называлась «кошмаром и ужасом кровавого пира», крестьян призывали не верить «прохвостам, ибо они нагло и бесовестно лгут, как жид за копейку барыша» [21, д. 661, л. 42].

За анонимностью текстов листовок скрывались конкретные люди, и нам удалось не только установить имена авторов, но и дать наброски их портретов на фоне революционных событий. Рьяным борцом с «эсеро-кулацким» восстанием и автором коммунистических агиток был секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Николай Яковлевич Райвид. Его идейным оппонентом выступал Дмитрий Степанович Антонов, младший брат вождя восстания, командир 4-го Низовского полка 2-й Повстанческой армии. Один – еврей, другой – русский, 1897 и 1896 годов рождения, выходцы из мещанского сословия. Оба получили образование. Н. Я. Райвид окончил реальное училище и два курса Рижского политехникума [10, л. 1-2], Д. С. Антонов – Кирсановское мужское приходское училище [2, с. 53]. Участники Первой мировой войны. На этом сходство в судьбах закончилось. После революции 1917 г. меньшевик, с 1919 г. большевик Райвид на журналистской и профсоюзной работе в Иваново-Вознесенске [10, л. 1-2]. Антонов с мая 1917 г. работал в должности младшего помощника

4-й милицейской части г. Тамбова, а в июне 1918 г. принял участие в антисоветском мятеже, после его подавления примкнул к боевой дружине своего брата [17, с. 68]. С января 1920 г. по январь 1921 г. Райвид являлся членом президиума Тамбовского губкома, ответственным секретарем, редактором партийных изданий. С началом крестьянского восстания в августе 1920 г. Николай Райвид – член оперативного штаба при губЧК, член губернского военного совета [10, л. 1-2], а Дмитрий Антонов – член Главного оперативного штаба, председатель Калугинского волостного Союза трудового крестьянства [2, с. 487]. Таким образом, в период восстания оба фактически руководили пропагандой воюющих сторон. В передовицах, редактируемых им же губернских «Известий», коммунистический журналист Райвид рьяно обличал преступления «бандитов» и звал крестьян к решительной борьбе с силами контрреволюции. Его же антипод, Антонов, осуществлял пропаганду среди повстанцев, выпускал листовки и воззвания, писал стихи под псевдонимом «Молодой лев», сочинял песни [16, с. 68]. В «Воззвании красноармейцам» цель восстания он объяснял следующей фразой: *«Мы для того восстали, чтобы освободить от коммуны граждан»*, а его успех автор связывал с народной поддержкой. *«Пусть пламя восстания ярче горит. Народ восстал спасать себя. Этот пожар впереди жирную жизнь сулит»* [2, с. 257]. В ином природу крестьянского протеста усмотрел пропагандист Райвид. В местных «Известиях» этот губернский пропагандист утверждал, что *«погромная стихия кулацкой темной деревни, подстрекаемая эсеровскими бандами, разошлась широкой волной по Тамбовской губернии»* [13]. Спустя неделю, в обращении «Товарищам, крестьянам Тамбовской губернии», он от лица Военного совета грозит тем, что восставшие села *«будут беспощадно уничтожены, а их население отправлено на принудительные работы в другие губернии»* [14]. В воззвании «На борьбу с белогвардейцами бандитами» Райвид от лица губернской власти требует от крестьян: *«Никакой помощи, никакой поддержки белым бандитам и врагам трудового народа, идущим под эсеровскими лозунгами лжи и насилия»* [15].

По сути, Райвид выступал рупором коммунистического официоза и артикулировал политическую оценку восстания, обосновывая необходимость репрессивных мер. Антонов же являлся выразителем традиционных чаяний крестьян и призывал к борьбе с правящим режимом с целью защиты завоеваний общинной революции. При всем различии идейных позиций этих представителей «поколения революционного перелома» жизненный финал их был схож. Дмитрий Антонов погиб вместе с братом 24 июня 1922 г. в с. Нижний Шибряй в результате перестрелки с чекистами [4, с. 207, т. 2, л. 218], а Николай Райвид 28 октября 1937 г. был расстрелян как враг народа «за участие в антисоветском троцкистском заговоре».

4. Заключение

Сравнительный анализ аргументов, приводимых той и другой стороной в тексте прокламаций, дает основание утверждать, что доводы коммунистов, в отличие от повстанцев, не были обоснованы фактами. Бедных крестьян пугали возвратом прежних порядков в случае победы восставших, причисляя партизан к силам контрреволюции. Для повстанцев контраргументом служила сама действительность с ее горькими плодами политики «военного коммунизма».

По-разному стороны понимали и цель вооруженной борьбы, а, точнее, общественный идеал, которого они стремились достичь. Если для «красных» победа означала строительство коммунистической партией светлого будущего рабочему классу, то для восставших крестьян мерилом успеха была реализация идеи, сформулированной в их листовке краткой по форме, но глубокой по смыслу фразой. *«У повстанцев есть идея – свободная жизнь в свободном государстве. Идя в бой, они твердо знают, за что они умирают, и в этом их сила»* [2, с. 256].

Таким образом, анализ прокламаций коммунистов и крестьянских повстанцев дает возможность более полно раскрыть многообразие идейного противостояния в период Гражданской войны. Изучение и оценка действенности коммунистических прокламаций, а также

листовок крестьянского повстанчества поможет решить проблему соотношения объективных и субъективных факторов в вооруженной борьбе периода 1918–1922 гг. Установление авторства агитационных изданий противоборствующих сторон раскрывает идейные установки «поколения революционного перелома», представители которого являлись активными участниками гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Альтернативы Советской власти: листовки Гражданской войны из фондов ГПИБ России: каталог выставки / Сост.: А. Ю. Морозова и др. Москва: ГПИБ России, 2018. 136 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. 800 с.
3. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4.
4. Архив УФСБ по Тамбовской области. С-207. Т. 2.
5. Безгин В. Б., Якимов К. А. (2022). «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // Научный диалог. Т. 11. № 9. С. 301–319.
6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 956.
7. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 960.
8. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 964.
9. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1112.
10. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 2. Д. 3851.
11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.Р-119. Оп. 1.
12. Иерусалимский, Ю. Ю. (2018). Листовки периода гражданской войны 1918–1920 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 5. С. 33–47.
13. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. 1920. 1 сентября. № 196.
14. Известия Тамбовского губисполкома Р. К. и К. Д. 1920. 7 сентября. № 201.
15. Известия Тамбовского губисполкома Р. К. и К. Д. 1920. 16 сентября. № 209.
16. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. 334 с.
17. Литовский, А. Н., Зайцева, М. Ю. (2017). *Жизненные траектории семьи и близких А. С. Антонова* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(80). Ч. 2. С. 59–75.
18. Михеева, Г. В. (2017). «От Февраля к Октябрю»: коллекция листовок 1917 г. в фондах Российской национальной библиотеки // Вестник СПбГУКИ. № 1(30). С. 6–14.
19. Никитин, А. Н. (2005). *Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли* // Библиосфера. № 1. С. 33–37.
20. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 646.
21. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 661.
22. РГВА. Ф. 30. Оп. 3. Д. 369.
23. РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29.
24. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: РОССПЭН, 2000. 864 с.
25. Шекшеев, А. П. (2009). Антисоветские листовки енисейских крестьян конца 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 67–70.

References

1. Al'ternativy Sovetskoy vlasti: listovki Grazhdanskoy vojny iz fondov GPIB Rossii: katalog vystavki [Alternatives to Soviet power: leaflets of the Civil War from the funds of the GPIB of Russia: exhibition catalog]. Comp.: A. Yu. Morozova et al. Moscow: GPIB of Russia, 2018. (in Russian)
2. «Antonovshchina». Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. State. archive of the Tambov region. et al. Tambov, 2007. (in Russian)
3. Arkhiv UFSB RF po Tambovskoy oblasti [Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tambov region]. D. 4306. Vol. 4. (in Russian)
4. Arkhiv UFSB RF po Tambovskoy oblasti [Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Tambov region]. S-207. Vol. 2. (in Russian)
5. Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). «Prikazchiki revolyucii»: evrejskaya molodezh' provincii v sobytiyah Grazhdanskoy vojny (na materialah Tambovskoy gubernii) ["Clerks of Revolution": Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province)] in *Nauchnyi dialog*, 11(9): 301–321. (in Russian)
6. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti (GASPITO) [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region (GASPITO)]. F. P-840. Op. 1. D. 956. (in Russian)
7. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 960. (in Russian)
8. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 964. (in Russian)
9. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 1112. (in Russian)
10. GASPITO [GASPITO]. F. P-840. Op. 1. D. 3851. (in Russian)
11. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [State Archive of the Tambov Region (GATO)]. F. R-119. Op. 1. (in Russian)
12. Ierusalimsky, Yu. Yu. (2018). *Listovki perioda grazhdanskoy vojny 1918–1920 gg.* [Leaflets of the period of the civil war of 1918–1920] in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 5. 33–47. (in Russian)
13. Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov [News of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers' Peasants' and Red Army Deputies]. 1920. September 1. No. 196. (in Russian)
14. Izvestiya Tambovskogo gubispolkoma R. K. i K. D. [News of the Tambov Provincial Executive Committee R. K. and K. D.] 1920. September 7. No. 201. (in Russian)
15. Izvestiya Tambovskogo gubispolkoma R. K. i K. D. [News of the Tambov Provincial Executive Committee R. K. and K. D.] 1920. September 16. No. 209. (in Russian)
16. Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1919–1921 gg. («Antonovshchina»): Dokumenty i materialy [Peasant uprising in the Tambov province in 1919–1921. ("Antonovshchina"): Documents and materials]. Tambov, 1994. (in Russian)
17. Litovsky, A. N., Zaitseva, M. Yu. (2017). *ZHiznennyye traektorii sem'i i blizkih A. S. Antonova* [Life trajectories of the family and relatives of A. S. Antonov] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (80). 2. 59–75. (in Russian)
18. Mikheeva, G. V. (2017). «Ot Fevralya k Oktyabryu»: kolleksiya listovok 1917 g. v fondah Rossijskoj nacional'noj biblioteki ["From February to October": a collection of leaflets of 1917 in the collections of the Russian National Library] in *Vestnik SPbGUKI*. 1 (30). 6–14. (in Russian)

19. Nikitin, A. N. (2005). Listovki i broshyury vremen grazhdanskoj vojny v Sibiri: nekotorye aspekty social'noj roli [Leaflets and brochures of the Civil War in Siberia: some aspects of the social role] in *Bibliosfera*. 1. 33–37. (in Russian)
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RGVA)]. F. 9. Op. 28. D. 646. (in Russian)
21. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 661. (in Russian)
22. RGVA. F. 30. Op. 3. D. 369. (in Russian)
23. RGVA. F. 235. Op. 1. D. 29. (in Russian)
24. Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939 Documents and materials]. In 4 vols. Vol. 1. 1918–1922. Ed. A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN, 2000. (in Russian)
25. Sheksheev, A. P. (2009). *Antisovetskie listovki enisejskih krest'yan konca 1920-h gg.* [Anti-Soviet leaflets of the Yenisei peasants of the late 1920s.] in *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. 67–70. (in Russian)